

Геннадий
ПИСКАРЁВ

ИСПИТЬ ЧАШУ

Геннадий Пискарев

Испить чашу

«Пробел-2000»

2017

УДК 821.161.1-321.2 Пискарев
ББК 84.(2Рос=Рус)6-44

Пискарев Г. А.

Испить чашу / Г. А. Пискарев — «Пробел-2000», 2017

ISBN 978-5-98604-603-7

Непрочен ум, охваченный огнем – гласит народная мудрость. Читатель, взявший в руки данную книгу, с терпением прочитавший ее, наверняка согласится с этой великой истиной, как и с тем, что только согласие и смирение дают покой нашим душам. А это, наконец-то, и приводит как к укреплению добронравной власти, так и плодотворному созиданию. «Злак не растет ведь на праще крутимой», – усиливает автор свой решительный вывод мудростью Саади.

УДК 821.161.1-321.2 Пискарев
ББК 84.(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98604-603-7

© Пискарев Г. А., 2017
© Пробел-2000, 2017

Содержание

Часть I. В сонмище людском	6
«Позвольте для вас подлость сделать»	7
«Конец света»	8
Страшно!	9
Ближе к церкви – злее черти	10
Чукча – не читатель, чукча – писатель	11
Встреча с депутатом	12
Гармонь	13
Замерзшая в пургу голубка	14
«Пся – кровь»	15
Печаль светла	16
Часть II. Хождение во власть	18
Это война	19
Так почему Теренин пошел на выборы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Геннадий Пискарев

Испить чашу

© Пискарев Г. А., 2017

* * *

Пискарев Геннадий Александрович – писатель, публицист, член Российской Академии литературы. Ещё в 60-е годы прошлого столетия в калужской областной газете «Знамя» о нём, тогда сотруднике районной медынской газеты «Заря» появилась любопытная публикация «Поэт-журналист», в которой автор Василий Шапкин отметил особенную черту молодого газетчика: необычную духовность его заметок и корреспонденций. То, о чём, спустя некоторое время, напишет известный путешественник, учёный Н. Н. Дроздов: «Творчество Геннадия Пискарева есть синтез глубоких чувствований и специальных знаний».

«Глубокое чувствование» у Пискарева нередко перетекает в своеобразное философское осмысление увиденного, отображаемой им действительности в подтверждение того, что «время – это испытание, и что счастье не в счастье, а лишь в достижении его».

В данной книге интригующие свойства «писательства» Г. А. проявились особенно ярко и чётко.

Часть I. В сонмище людском

Легко тому, чье сердце не знает сострадания, но пусть он, однако, не радуется, ибо его постигнет жестокое мученье и оно начнет терзать его тогда, когда он будет уже не в состоянии исправить свою вину. Огонь геенский, по моему суждению, есть не что иное, как позднее раскаяние.
Исаак Сирин

«Позвольте для вас подлость сделать»

Похоже, ныне мы все объаты гиенским огнем. Страдаем, мучаемся, завидуем мертвым, но вот раскаиваемся ли, даже запоздало, в грехах своих? Грехах многочисленных, трудно исправимых.

От мыслей подобного рода – тоска. От вида барахтающихся в людском сонмище и молодых, и пожилых сограждан – душевная боль. И тут приходит на помощь память.

Ныне она для меня, одиноко сидящего на нелюдимом острове преклонного возраста (боюсь произнести слово старость) стала чем-то вроде подзорной трубы для Робинзона Крузо. Вооруженный таким биноклем я четче вижу обитаемый мощный материк былого и могу умнее сопоставить картины его с дробящейся сюрреалистичной действительностью теперешнего странного времени.

Наверное, это будет последней попыткой взглянуть более-менее объективно на окружающий, бранный, в непосредственной близости от себя мир, сошедший, кажется, с ума.

Припадки шизофрении в обществе случались «от начала века», а в малых людских объединениях «дураки» были, вообще-то, обычным явлением. Но были и праведники, на которых держался мир. «Дураки» в такой обстановке «микшировались» и даже приносили пользу: на них воду возили.

Но сегодня в разыдеологизированную эпоху господства «зомбоящика»-телевизора они стали как бы объединяться, с кроличьей скоростью размножаться, что и наводит ужас.

Процессы идут стремительно, нормальная часть человечества, объявленная маргинальной, не в состоянии опомниться. Ее сдувает нахально-безумный, неконтролируемый, компьютерный поток черной злой энергии. Дурашливый, со снесенной башней – подложных дел мастер, гениально выведенный еще в позапрошлом веке А. Островским в пьесе «Волки и овцы» – Клавдий Горецкий – шерится и скалится круглосуточно с ядовито – голубых экранов:

– Позвольте для вас какую-нибудь подлость сделать... хотите дом сожгу...

– Какой дом?

– Ваш.

...Вчера вечером сажу на лавочке у подъезда своего дома. Две пьяных особи – парень и девка – ломятся в дверь, харкая грязными словами, с нулевым вниманием ко мне.

Ан, нет! Мое внутреннее состояние звериной натурой своей они учуяли. Особенно юный дикарь.

– Хрыч! – это единственное слово, что я разобрал, обращенное в мою сторону. Далее – яростный, похожий на лай взбесившейся собаки, рванный, яростный, речитатив, из которого, нетрудно было догадаться, следовала смертельная мне опасность.

«Конец света»

Исаак Ньютон рассчитал, что «конец света» наступит в 2060 году. Сергей Коненков говорил: «Конец света» уже начался – в XIX веке».

Иоанн Богослов утверждает: Апокалипсис произойдет одномоментно, но не мгновенно. Ужель прав Коненков: «конец света» начался? И он, возможно, заканчивается. Посмотрите: ведь над нами, действительно, как будто другое небо, а под ногами другая земля. И все мы получили на руки приговор Божьего суда – в ад! А что? Разве нынешняя жизнь не адская? Жирует в ней лишь Сатана.

Бог, конечно, восстановит равновесие. Но для нас ли? Отступивших от него? Сможем ли мы оттянуть день расплаты? Ведь для этого надо снять с глаз и души хотя бы «медные пятаки».

Страшно!

Татьяна Ивановна – бывшая сослуживица по «Юрлитературе». Похоронила мужа (онкология). Днями хлопочет с внучатами. Ночами... бьется в страхе:

– Хоть руки на себя накладывай. Но боюсь. И смерти! И жизни!

– Да что так?

– Безысходность. Всюду какая – то оптимизация. В медобслуживании, образовании, в обеспечении необходимым. Нет на родной земле места. И зачем меня мать родила? Зачем я на этом свете?

Вопрос вопросов. Образуюсь, овладевая все новыми и новыми знаниями, человечество ответа на загадки смысла жизни, похоже, так и не нашло. Иначе откуда бы эта нынешняя разочарованность, деградация, одичение «хомосапиенса»? Рост суицидов?

А ведь ответ-то, дающий и опору гибнущему человеку, и радость, и оптимизм, есть. Он прост. Если ты с Богом.

Ой, как славно сказал лесковский «соборянин», протопоп Савелий Туберозов на этот счет: «Не пустяки... меня влекли, а занят я был мыслью высокою, чтоб, усовершенствовав себя в земной юдоли, увидеть невечерний свет и возвратить с процентами врученный мне от Господа талант».

Пытаюсь разяснить смысл сказанного святым отцом Татьяне Ивановне. Мол, по воле божьей, посредством матери земной пришли мы на землю. Не поганить ее. А украшать. И самим украшаться, становиться лучше и лучше. Тогда и войдет в душу не страх и отчаяние, а фаворский невечерний свет. И к Богу отойдешь не с душераздирающими воплями, а тихо и радостно. С процентом.

Вняла ли Татьяна Ивановна, бухгалтерша по профессии, проповеди моей и туберозовской? Сомневаюсь, что да. Ибо замечаю: встреч со мной она стала избегать.

Ближе к церкви – злее черти

Есть особи, сеять бисер перед которыми – пустое занятие. Не просветить, не убедить, не удовлетворить ответом их невозможно. А вопросы задавать они любят. Прервать их можно лишь чем-то съедобным, хорошо бы дешевым, но калорийным.

...С некоторых пор моя соседка по подъезду Альбина Владимировна, в прошлом комсомольская функционерка, причем не цинично-двуличная – убежденная, начала затевать со мной разговоры на религиозные темы.

Она, видите ли, стала на досуге почитать «Библию». Но на взгляд «просвещенной» материалистки, многое там науке противоречит. Бог... Сатана...

– Да Бог то, – говорю, – науке не мешает. Вон Михайло Ломоносов – ученый из ученых, а делал научное познание формой религиозного опыта. Толковал: правда и вера – суть две сестры родные, дочери одного Всевышнего Родителя, никогда в распрю между собою придти не могут. Разве кто из тщеславия и этакого мудрствования на них вражду всклеплет.

Не вразумил, вижу, соседку, наоборот, только разжег противоречивости дух.

– По-вашему и Христос навещал землю? Сказки же.

Привожу пять свидетельств первого пришествия Иисуса Христа, что давали даже основоположники макрнизма-ленинизма: иначе А. В. не проймешь. Но не тут-то было.

В глазах визави, в обычное время безмятежных, – искры. Ближе к церкви, действительно, злее черти. И новый натиск вопросов, таких, на какие и сто мудрецов не ответят.

Никак не могу «отвертеться» от новоявленной читательницы Святого писания. Но вдруг меня осеняет:

– Альбина Владимировна, а вы знаете, что на рынке в Теплом стане продают редиску по 50 рублей за кило и нерку – лосесевую рыбу – за 170 рэ.

– Правда? – чуть не подпрыгивает подкованная марксизмом и богословием спорщица, и, стремглав домой, за сумкой, деньгами. В Теплый стан! В Теплый стан!

Чукча – не читатель, чукча – писатель

Когда-то на эту тему был анекдот. Теперь это не анекдот – реальность.

Люди перестали слушать друг друга, учиться, перестали читать умные книги. Люд, толпа – «самовыражается». Кто-то нарисовал левой ногой закорючку на масляной тряпке – гений. Кто-то раскрыл рот и сказал: «Бэ» и «Мэ» – мудрец, златоуст.

Не спорю: иногда в «навозной куче» нет-нет да и блеснет «жемчужное зерно». Но критики-петухи его, как правило, отмечают. И нет классика, чтобы смог аккумулялировать в творчестве своем крупницы проблесков мысли у других.

Героя, указывающего путь к реальной достойной жизни, теперь нет тоже. Герой – идея. Она светит. Где эта идея ныне?

Шварцнегер, Моховиков – герои? Они светят? Разве что. Только светят – то они не долее мгновности своего мордобитного удара.

P.S.: В день рождения Пушкина пришел к его памятнику на Тверском в надежде, как прежде, окунуться в мир духовности.

У монумента – человек 15, не более. Возможно, виной тому была погода: моросил дождишка. Но не это, думается, стало все же причиной народной пустоты у Пушкина. Голубю – олицетворению духа святого на иконах, непогода не помешала. Он витал над бронзовой головой поэта. Все дело, похоже, в «погоде», что творится в наших головах, в нашем доме. И все ли у нас дома-то?

Встреча с депутатом

Она случилась в преддверии выборов с жителями нашего микрорайона в скверике за нашим домом. Собралось человек 20. Из нескольких тысяч граждан, проживающих здесь.

Люди изверились. Представители какой бы то ни было партии долдонят одно и то же: вместе мы сила, вместе победим. А с нами в первую голову.

Кого победим? Конечно, коррупцию, нуворишей, продажных чиновников и правителей, что сеют разврат и зло.

Депутаты – тоже правители. Законодательные. Значит от них так же чем-то нехорошим пахнет.

Народ чует вред бесконечной говорильни, понимает: толку не будет, если не делать упорно и повседневно реальное дело, если не сменить систему, создав партию нового типа, но попробуй заикнись об этом – террористом объявят. Хана!

Остается уповать на верховного правителя, в котором при благом стечении обстоятельств соединятся воедино сила, мудрость и справедливость.

Да, это диктатура отца народов. Но она, и только она, оказывается, созидает, избавляет от зла общество. Не демократия же. Демократия, что подтверждает история —, и новая и старая, – увы, уничтожает, разрушает наработанное за короткий срок (долго диктаторы не держатся) «железными канцлерами».

«Титева на луке слаба, пока на нее не наложат стрелу...»

(Н. Лесков, «Гора».)

Гармонь

Иван Васильевич Чистяков, двоюродный брат моей матери. «Убитый» под Прохоровкой, «воскресший» после битвы. Откопали из воронки санитары, когда тело уже ели черви. Но остался жив. Даже огляделся вокруг, когда несли на носилках. «Поле, что снопами во время жатвы, было закидано мертвыми», – это я услышал потом от него, хлебороба, лично.

До конца войны – в лазаретах. В победном сорок пятом на дрожках привезли Ивана в родное село Контеево – к матери, тетке Матрене, – умирать дома.

Но мать выходила сына. Благодаря собственной коровенке – кормилице и поилице.

Поднялся солдат – гармонист довоенный. И мать (это же надо!) свела со двора поднявшую на ноги бойца двурогую животину: на вырученные деньги заказала отменным мастерам новую гармошку для сына. Пусть ликует душа. Тело живо, а главное, чтоб душа в нем пела.

И она пела. Пела гармонь Ивана. Под ее пение бабушка моя Варвара Ивановна отгуляла и отплясала, как сама хвалилась, на 25 послевоенных свадьбах.

Женился Иван. Дети (двое) родились. Попивал. По пьянке «загнал» покрышки с «газика», на котором ездила его жена – председельсовета.

Сидел год. Не обижался на жену. На свиданьях с суженой (лагерь-то – лесоповал – в 50 километрах от дома находился) лил слезу:

– Раенька, приду, лучше нашего никто жить не будет.

– Не надо никакого генерала мне, – «заходилась» женушка, – если бы Ваня не пил.

Он вернулся, отстроил дом, где был достаток, чистота, – редкая для деревни. Хозяева и гости спали в их доме на отглаженных белых простынях.

Но срывался фронтовик – запивал. Мое объяснение тому. Сверлила психику память о кошмаре Прохоровки. То ли хотел обезумить себя алкоголем, чтоб не чувствовать смертельного ужаса, а, может, и такое: желание умереть и воскреснуть, как после той битвы – Бородинской битвы XX века.

После запоев работал неистово, радовался жизни, как ребенок. Все ему было интересно. Страстно любил близких, родных.

Был бригадиром, коммунистом (под Прохоровкой без комсомольского стажа и кандидатского срока приняли перед боем).

В мирное время Ивана из партии изгнали: «брякнул» в сердцах, что за стирание граней между городом и деревней, т. е. за окончательное раскрестьянивание мужика Никиту Хрущева надо бы на базарной площади по голой заднице ремнем отстегать.

Жил далее – не тужил. Цельный человек. Человек Земли. Без комплексов.

Гармошку, с опаской, иногда давал на гулянку мне, далекому от его мастерства. Насовсем не отдавал. «Жену, гармонь, велосипед никому не доверяй», – его слова. Похоронен Иван на тихом кладбище родного села. Какое счастье!

P.S.: на днях у подъезда нашего дома упал человек – лет сорока. Замертво. Ни документов, ни близких. Подошла труповозка – увезла. Куда? «В общую, безымянную могилу», – сказал участковый.

Замерзшая в пургу голубка

Мария Владимировна Аникина – разболная женщина, но моложе меня, улыбчивая, тянущаяся к общению, в прошлом чуть ли не однокашница по МГУ. Окончила филфак, из которого в пятидесятые годы XX века, благодаря Аджубею и Раде Хрущевой – зятю и дочери Никиты, выделился в самостоятельное заведение наш факультет журналистики.

Обыватели двора М. В. считают... того... с приветом... Своими откровенными донельзя рассказами о себе, с детской, наивной непосредственностью, она углубляет это впечатление.

Оказывается, ненормальной считают ее и некоторые близкие родственники. Непостижимо! А причиной тому стала неразделенная в ранней юности любовь М. В. к парню из Средней Азии, к которому, вопреки воле матери, она безрассудно уехала на его родину. Из Москвы – в Самарканд!

Боже! Так бы и меня можно счесть сумасшедшим, кинувшемся некогда вслед за любимой в неизвестность.

На жалкие гроши, пенсионные (копит годами), издает Мария Владимировна свои стихи, маленькие книжицы. Какие тонкие чувства там, какие откровения и всеобнимающая любовь:

* * *

*Под крышею каждого дома
Есть чудо и сказка живет*

(«Золушка»)

* * *

*И помню я изгиб реки,
И ты касаешься моей руки
Своею нежной темнокожей.
И как лежала на снегу
Замерзшая в пургу голубка,
И как к тебе бежала я
В распахнутой песцовой шубке.*

(«Белый ветер»)

...Тяжело опираясь на палку, седовласая, но с доверчивой улыбкой, смотрю, бредет она по двору, садится на скамеечку, достает тетрадочку, что-то пишет, читает. Наверное, вот это:

*Так я живу, мой друг,
С тех пор, с того мгновенья,
Как в плен меня взяла
Владычица любовь...*

Люди проходят мимо нее, не понимая, что могли бы пообщаться с ангелом во плоти. Мир поглощен выживанием. Мерзнет в снегу голубка.

«Пся – кровь»

«Довели страну; выйдешь скоро на улицу – поздороваться не с кем будет». (Фраза, произнесенная Всеволодом Санаевым в фильме «Белые росы»).

В нашем московском дворе такая перспектива, похоже, не предвидится. Другое дело, что на русском языке здороваться тут перестанут – сплошь лица кавказской, средне-азиатской и других каких-то национальностей.

Меня, вообще-то, это пока не очень угнетает. Понимаю: куда им, прирученным нами в советское время, деваться от «ельциной демократии» и растопыренного ежа суверенизации, что, выпучив глаза заглотили господ на местах.

Валерьян Алишевский, что живет надо мною, несколькими этажами выше, – поляк. С особым чувством достоинства, с гонором. Как и подобает шляхтичу. Поглядывает на «пся – кровь» свысока. Продукты покупает, не трясясь над копеейкой. Обедать без «добре чарки» крепкого напитка не садится. Подтруниваю над ним: «У Валерьяна денег – куры не клюют. Он бы церквям помогал, да там и без него очередь из коронованных воров и бандюг. Не пропустят вперед себя: надо скорее самим за разбой и грех откупиться».

Ко мне Валерьян относится вроде как к равному. Может, потому, что обслуживаемся в одной поликлинике – Президента РФ. Да и поговорить со мной можно о высоких материях. Как-то:

– Слушай, Геннадий, интересную вещь прочитал. Спешил Федор Шалянин в театр. Нанял извозчика – бородача. А тот и спрашивает: «Барин, ты что работаешь?» – «Пою», – отвечает Федор Иванович. – «Да я тоже пою, – перебивает артиста мужик, – Я спрашиваю, что ты работаешь?»

Алишевский с прищуром смотрит на меня, ждет реакции. Я меланхолически так цитирую Пушкина:

– «От ямщика до первого поэта мы все поем...»

– Вот и пропели Россию!

– А вы Польшу – пропили. Учти, не я сказал – Сергей Пинус, российской эмигрант.

Замолкаем оба. «Нахохлившись», расходимся. До следующей стычки (надеюсь, интересной), чтобы продолжить «спор славян».

Печаль светла

В 70-м году прошлого столетия еще жива была моя мать. Дом наш, построенный отцом, стоял не разваленным. Просто мы его «заколачивали» на время, когда родительница уезжала ко мне в Москву на зимовку. Весной по теплу, ко дню Победы (так совпадало) я привозил мать в родную деревню. Отдирал доски с окон избы. Открывал хате глаза. А, возможно, «вскрывал гроб».

Ныне в день Победы мне стало плохо. Забылся. Очнулся от грохота и огненных всплесков вечернего салюта за окнами московской квартиры. От одиночества ли, или неважного физического состояния, но мне показалось, что полыхает он и отсвечивает как-то люто. Будто дымно-багряная зарница, как пепельно-кровавый край приоткрывшейся преисподней. Уж не души ли это отмучившихся когда-то отца, вдовы его – матери моей, их братьев, сестер и многих, многих миллионов страдальцев, безгласных, беззаветных защитников отечества взвились из земных могильных недр?

И что бы это значило? – Возмущение, что их, убитых, использованных былыми властями до капли, вытолкнули из покойной тьмы, чтобы поэксплуатировать вновь? Вновь – но другими властями, предавшими совсем недавно их, дедо-отцовскую, победу.

А может, нет! «Убитые и проклятые» воспряли на час, радуясь, что вспомнили про них. Но почему, почему отблеск салюта у горизонта показался мне чуть ли не ужасным.

Мне вспомнились эти ощущения при чтении рукописи будущей книги профессора социологии Александра Киселева, очень хотевшего узнать перед публикацией мое мнение о ней. Что ж, скажу: книга эта о духовидцах и вождях, способных воздействовать на судьбы людские и судьбы мира, от действия коих ускорялся или, напротив, поворачивал вспять бег времени. Человеку зрелого или даже преклонного возраста она даст восхитительную возможность окунуться в близкие уму и сердцу времена, сверить личное отношение к неординарным людям, которым был современником или почти был, с оценкой, что дается им ныне.

Тот же, кто тяготеет к научному изысканию, найдет в тщательно отобранных и исследуемых материалах произведения все, что необходимо истинному ученому, дабы наилучшим образом поставить свои труды на прочный добротный фундамент.

Возникла у меня такая уверенность: если работа окажется в руках недостаточно образованного, но достаточно оболваненного циничными, бесовско-компьютерными манипуляциями молодого человека, то и ему она сможет принести пользу. Понятно, по прочтении киселевского труда. И, глядишь, отрекающийся от всего святого, современный манкурт задумается вдруг: «А ведь, и впрямь, не хлебом единым живы люди на земле». А «камни прошлого», пожалуй, верно, есть не что иное, как и «ступени в будущее». Все дело лишь в том, как и кем они будут поставлены, чтобы не превратиться из ступеней вверх, в гладкую дорожку под откос.

И уж точно, книга поможет любому, каждому, прочитавшему ее, уяснить смысл наших страданий и побед, что в труде, что в бою: – это наши победы, победы отцов, матерей, дедов и прадедов. И нельзя винить предков в том, что сделали они когда-то что-то не так. Предъявлять людям, жившим в свое время, требования с позиций сегодняшних – выглядит так же странно, как если бы мы упрекнули, например, создателя российского морского флота Петра Великого, что он не создал отечественной авиации. Но обращусь к ощущениям, вызванным предлагаемой книгой, образами Победы «45-го» прошлого века и салютом в честь ее в этом году. В раздираемом всевозможными противоречиями в постсоветском обществе эти события являются величайшим и, пожалуй, единственным объединяющим началом. Это признают все. Вроде бы все. Но есть и такие, что говорят, зачем нам марши «бессмертных полков», военные парады? Хватит нагонять страх и тоску. Больше карнавалов, плясок и песен.

Да плохо ли бы... Только давайте вспомним: 9 мая в 1945 году Парада в Москве на Красной площади не было. Там люди плясали и пели. Но из окон гостиницы «Националь» смотрели на них далеко не веселые господа из союзной Америки, цедившие сквозь зубы холодящие сердце слова: «Они (т. е. мы – авт.) радуются, думая, что все закончилось. А все только начинается».

Атомная бомба начиналась... Нагасаки... Хиросима... План ядерного уничтожения СССР. И об этом напоминает книга профессора Киселева...

Называемый «философом памяти» учитель К. Э. Циолковского, служитель Румянцевской, ныне Ленинской библиотеки Н. Ф. Федоров в оригинальных трудах своих дерзновенно писал, что нравственное чувство личности требует спасения буквально всех погибших, всех утраченных. Призывал живых (как делается это и моим товарищем) обратиться сердцем и умом к минувшему, дабы не произошло одичания «сынов человеческих», превращения их «в блудных сынов, пирующих на могилах отцов». Произойди это, и не будет в человеке не только любви, но и правды.

У Александра Киселева, разумеется, есть свои предпочтения, что естественно, к кому-то и чему-то. Но его книга вовсе не стоеросовая дубина «красной», «махровой» или какой другой пропаганды. Не покушается на простор мыслей она. Но есть в ней, однако, что-то такое существенное, внедряемое в читательское сознание настойчиво и целенаправленно. Это то, что вынесено в заголовок книги: «Уверуй! Все было не зря».

Кстати, по сути дела, это цитата из последнего письма Василия Шукшина в издательство «Молодая гвардия»: «Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

Память – это любовь. Любовь – значит правда. Не порвем по злобе иль недомыслию «золотой цепочки» – одолеем сурового времени нором.

Да будет наша печаль светла. А салюты, пусть они станут, как и подобает им, отблесками радуги небесной, а не тревожными всполохами преисподней. И:

*– Дай нам, Боже, чести помышлять о горнем,
И только лишь вторично о земном...*

** * **

*Когда на троне скорбных ситуаций
«Все брось... Вскрой вены...» – шепчет древний змей,
– Дай, Боже, ни на миг не сомневаться
В Любви и Справедливости твоей.*

*(Вадим Негатуров, сожжен заживо украинскими нацистами в
одесском Доме профсоюзов)*

P.S.: Как совратил Змей Еву и Адама? Перспективой, что они будут всезнающи, все-сильны, подобно Богу. И что, конечно, останутся бессмертны.

На что толкает грешного, смертного человека искуситель ныне? «На фоне скорбных ситуаций» (по Вадиму Негатурову) он прельщает его преждевременной гибелью. Шепчет уже не о бессмертии, – о самоубийстве: «Все брось... Вскрой вены...».

Суицид – грех неискупаемый. Нельзя самому решать, как и когда уходить из жизни, не исполнив данного тебе Всевышним предназначения. Как, в принципе, нельзя и родиться без Божьей воли на то. Скажем, путем клонирования. Или методом, которым размножаются облепленные болтающимися лохмотьями «желтого дьявола» престарелые «Алло – Филипы».

Как же много вариантов лжи – у Сатаны. И одна правда – у Бога.

Часть II. Хождение во власть

Пытаясь в очередной раз навести хоть какой-то относительный порядок в старых бумагах, обнаружил растрепанный блокнот. Не удержался, прочел несколько строчек трудно-разбористого собственного письма. Ба! Да это же лихое повествование о мытарствах моего приятеля А. В. Теренина, задумавшего три года назад пробраться во власть. Небольшую. Районную.

Писалось об этом в основном второпях, сбивчиво, порою бессвязно. Но... в растрепке клокотала жизнь – грубая, непричесанная, жестокая. И, как в кипящем гейзере, – мысль, похоже, не потерявшая значения и по истечении времени.

Я принял решение: предать огласке блокнотные записи. Без правок, без комментариев. С единственной оговоркой: на день публикации кое что на Рязанищине изменилось. Подвинули в сторонку (вежливо) даже первое лицо...

Это война

*Огонь, если даже разожжешь его перевернутым
вниз,
Все равно взвивается вверх,
Вода же, сколь не подымай ее высоко,
Рано иль поздно, но скатится вниз.*

Бывает же! Не так уж много довелось мне почитать творений мудрецов Востока, а тем более использовать их в качестве доказательств каких-либо собственных предположений, а тут на те вам: выскочило из ухоронков памяти выше приведенное речение, забродило в голове беспокойно, ломая, переиначивая сложившееся было, как казалось, окончательное представление о событиях, непосредственным участником которых надлежало мне быть обязательно. Собственно, обязательными участниками этих событий являлось все взрослое население нашей страны, выбиравшее (который раз!) верных себе слуг.

Словосочетание «Выборы слуг народа» в нынешней России, понятно, можно воспринимать и произносить, да так оно и делается давно уже обыкновенными людьми, если не саркастически, то просто-напросто наплевательски. Ведь эти слуги, как ни крути, вовсе и не слуги, а власть. Ну, а какая ныне в Эрэфии власть и говорить не хочется. Вернее, боязно. Разве что эзоповым языком выразиться. Ну, хотя бы так. Жил да был на Руси, в XIV веке, князь, разбивший татар на реке Воже, что на рязанщине, раньше, чем это сделал Дмитрий Донской на поле Куликовом. Заангажированные историки, правда, оказались не очень справедливыми к герою-рязанцу, но народ – творец истории, должное ему воздал. И кто не знает теперь гордое славное имя: «Олег Рязанский». Не зря, не зря воздвигли ему земляки памятник в центре города.

...И кто не знает на рязанщине теперешнего главного правителя этого – благодатного края – по иронии судьбы тоже нареченного Олегом. Да только совсем не с тою приставкой, что украшает былинного патриота родной земли. У нынешнего «радетеля», увы, горька и зла она до обидного, но точна же, черт подери... Приставка эта – «не». В результате – нынешний «князь» не Олег Рязанский, а Олег Нерязанский.

Ох и остер на язык народ русский – это еще Гоголь приметил. Ну в данном случае... Чего там распространяться? Если правитель – сам временщик по натуре, то и своих подчиненных, подданных в том же духе воспитывает. Пример? Да, пожалуйста. Слышал из первых уст.

Представитель правящей партии этот самый Олег Нерязанский – Ковалев до сей поры, в толк взять не может, почему это некоторые состоятельные люди области, вместо того, чтобы перегонять свои капиталы на взятки или в оффшоры, хлопочут о реальной местной экономике, «социалке» и т. д. и т. п.? Ему даже как-то не по себе становится от всего этого.

Бизнесмену А. В. Теренину, решившему учить детей своих вместе со всеми в сельской семионовской школе, готовой стинуть вот-вот (что Теренин всеми силами сдерживает), «отец рязанского народа» ничтоже сумняшеся брякнул:

– Тебе что за границей, в Европе, Америке школ не хватает?

Теренин, не лезающий в карман за словом, тут, однако, оторопел.

Сколько же их таких, с убийственной приставкой «не» хозяев земель российских, расплодило нынешнее опустошенно-предательское время? Циники, без чести и совести, они спят и видят, как бы содрать последнюю шкуру с вскормившей их матери-земли и ускользнуть, хоть в африканские, хоть в вашингтонские джунгли. И убежали бы давно. Да только вот есть еще выборы во власть, которые они «демократически» устраивают и, естественно, «демократически» оборачивают в сторону собственной выгоды.

Власть, конечно, как свидетельствует древняя, новейшая, мировая история, не выбирается. Она завоевывается, захватывается. Значит, выборы власти – война. Война со всеми присущими ей жестоко-коварными, бесчеловечными атрибутами. Поджигателей, то бишь организаторов выборной бойни сие не страшит. Отсидеться в бункере или в окопе собственного дома тут редко кому удастся. Вольно или невольно, но людям приходится принимать бой. Война есть война. И именно в ней кроется причина того, что выборы – эта псевдодемократическая уловка формирования тех же государственных структур управления, у нас проходят с участием достаточно большой массы населения.

А вот с какими чувствами, с каким настроением берут или готовятся взять люди в руки «оружие» – избирательный бюллетень? – вопрос интересный. А еще интереснее, как идеологически обрабатывают претенденты на руководящие посты свой разидеологизированный государственной политикой электорат – то есть народную массу.

Ведь эту массу, раскромсанную за последние годы на мелкие кусочки, смешанную с дерьмом, надо как-то сплотить воедино, чтобы униженные и оскорбленные почувствовали себя всего на один часок – время похода к избирательным урнам – Калифами.

Вообще-то, процесс сей в предвыборную кампанию широко освещается в средствах массовой информации, на телевиденье. Понятно, освещается своеобразно, в соответствии с установками властвующего режима. И тут мы больше видим войну штабную, генеральскую. А она, разумеется, выглядит приглаженной и прилизанной не то, что война окопная – грязная и омерзительная. И самое тяжкое там оказаться в штрафбате – штрафбате нынешнего времени, а не времен Великой Отечественной войны, где провинившийся боец мог искупить вину своею кровью. Первое и главное отличие штрафбата нашего демократического периода – это то, что туда попадают не те, кто каким-то образом поступился совестью и честью, а как раз наоборот люди с чистой совестью, порядочные, искренне, до наивности, желающие преобразить народную жизнь, вернуть людям былую духовность и уверенность в собственные силы.

Волею судеб мне довелось окунуться в выборно-фронтовую среду на самом передовом ее крае.

Меня, находившегося в нелегком физическом и моральном состоянии после преждевременной кончины жены, пригласил, чтобы как-то отвлечься от тяжелых дум, в свое родовое рязанское село Семион мой старый товарищ, упомянутый выше бизнесмен Александр Васильевич Теренин. «Васильич» по ту пору усиленно занимался реставрацией порушенного в безбожные годы местного храма имени Симеона-Столпника. Его стараниями в храме уже начали совершаться службы, молебны, панихиды. Приходской священник, многодетный батюшка, отец Михаил, нежно дружил с семейством Теренина, благодаря чему, по приезду в Семион, сблизился и я с божьим человеком, в беседах с которым постепенно оттаивал душой, обретая интерес и к мирской жизни после (как ни странно) зауспокойных церковных молебнов по супруге.

Незаметно для себя я втянулся в круг и других интересов своего товарища, который (надо же!) решил выдвинуть свою кандидатуру на пост руководителя района – в данном случае Кораблинского района Рязанской области.

«Втянувшись в круг новых интересов», я, понятно, не стал ни доверенным лицом, ни пиарщиком своего визави – я просто наблюдал за происходящим. Конечно, в определенных ситуациях меня одолевали определенные эмоции, но о них мне, думается, следует умолчать. Одно скажу: я неподдельно радовался будущему кораблинцев (сегодняшнее – то у них было смутно и неопределенно), если их судьбой реально займется человек таких качеств, как Александр Теренин. Полагаю, многие согласятся со мною, прочитав нижеследующий рассказ «Васильича» о себе, знакомящий его с избирателями.

Кстати, в дальнейшем о развивающихся событиях я буду много говорить через сводки газетных информации, «боевых листов» и тому подобных образцов гласности. Что в них правда, а что кривда – покажет «послевоенное» время. А пока...

Так почему Теренин пошел на выборы

Знойным июньским днем по петляющей выбитой дорожке въехали мы в Семион, когда-то районный центр, ныне рядовое поселение. Низкие кирпичные домики; узкие улочки; заросшие бурьяном, ивняком, лопухами тротуары. Буйная растительность, как тропическая сельва, поглощающая еле-еле проглядывающие из глубины бывших некогда придомовых участков рушащиеся какие-то постройки. И золотой купол храма имени Симеона-Столпника. Рядом с храмом административные советского времени здания. На одном из них полуметровый плакат – листовка.

Привожу ее содержание слово в слово, как оно есть на плакате. А на плакате слова представителя блока патриотов А. В. Теренина, объясняющие чего хотят и чего не хотят честные люди района. От их имени заявляется следующее: «Мы хотим чтобы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.